

## ЛАНДАУ Г. И. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

*ЛАНДАУ Густав Иванович, родился в 1887 в Париже (отец, поляк, инженер). С 1899 — прибыл с семьей в Россию, в 1917 — окончил Институт инженеров путей сообщения, одновременно работая техником или конструктором в учреждениях. С 1917 — работал старшим инженером в Новгородском губернском дорожном отделе, с 1922 — заведующим отделом; состоял также председателем Губернского Комитета Государственных Сооружений. С 1923 — работал в Ленинградском окружном дорожном управлении, с 1933 — доцент и декан факультета в Ленинградском автодорожном институте. Женат на Регине Антоновне Ландау, в семье — дочь. В марте 1935 — выслан с семьей из Ленинграда в Уфу на 5 лет<sup>1</sup>.*

*В мае 1935 — к Екатерине Павловне Пешковой обратилась за помощью его жена, Регина Антоновна Ландау.*

«19/V - 35 г<ода>».

Т<оварищ> Пешкова.

Обращаюсь к Вам с просьбой посодействовать пересмотру решения НКВД о выселении нашей семьи из Ленинграда. Мой муж обратился к Верховному Прокурору с жалобой, еще до выезда из Л<енингра>да, но ответа так и не получил, и 19-го марта мы были принуждены покинуть Ленинград. Прошло два месяца, и, не имея ответа, муж повторил свое заявление т<оварищу> Вышинскому. Он оставил себе копии жалобы и заявления; я их переписала и прилагаю к этому письму.

Вся жизнь трудящегося человека, хотя и однообразная не может быть изложена на каких-то 2-х страницах писчей бумаги. Сколько в ней было горестей, маленьких радостей, тревог, разных переживаний!

Но характеризовать эту жизнь с общественной и человеческой точки зрения можно одним словом — эта жизнь была безупречна. Мой муж всю свою жизнь отдавал себя всего своей работе, забывая поесть и зачастую просиживая все ночи напролет. Никогда не гонялся за жалованием, почему и жили мы в высшей степени скромно, не позволяя себе ничего лишнего и часто отказывая себе в необходимом. Мой муж много лет даже не пользовался отпуском. Можно справиться в его послужном списке и на всех службах, где он работал.

Не передать словами — какой неожиданностью для нас было с нами случившееся. Каким ударом, к<а>к глубоко выстрадано моим мужем и мною незаслуженное оскорбление и ни на чем не основанное наше обнищание моральное и физическое. К<а>к описать Вам слезы и горе двенадцатилетней моей дочери, впервые в жизни испытавшей непонятный для нее страх запятнанного имени отца, уважение всех к которому она видела ежедневно! К<а>к тяжело для нее было расставаться с любимой школой, где она была одной из лучших учениц, с любимыми учителями, подругами, да в особенности при условиях нашего отъезда, когда было брошено все: ее книги, тетради, игрушки — все, что так ничтожно по существу, но является таким важным для маленькой девочки. К<а>к содрогались ее худенькие плечи, когда она впервые очутилась в здешней, чуждой ей деревенской школе, куда ей приходится ходить за три километра по проселочной суглинистой дороге, где ноги вязнут по колено в грязи, а галоши пристаются к прилипнувшей глине. С ее больными легкими — зимою в пургу и 45 градусный мороз! Кругом свирепствует жесточайшая малярия с частым смертельным исходом (токсины действуют разрушающим образом на сердце и мозг), и на днях в одном из

<sup>1</sup> ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1333. С. 3-9.

классов во время урока умерла девочка от бурного припадка малярии. К нравственным страданиям прибавились в Уфе и физические: мужа не принимали на службу; живем вдвоем в холодной комнатке, на семи квадратных метрах. Кроме того девочке моей пришлось забросить языки и рисование, к которому у нее большие способности. Она в этом году должна была поступить в школу художественного воспитания им<ени> Лилиной.

Сама же я все время испытываю угрызение совести, не я ли оказалась причиной навалившейся на мою семью несчастья. У мужа моего две сестры, живущие в Варшаве. Уже не молодые, незамужние, любящие наших детей, с которыми я поддерживаю редкую, но дружественную родственную переписку. Но все же я искренне недоумеваю, неужели эта ничего кроме чисто семейных сообщений не содержащая переписка могла быть причиной такого несчастья? И как быть теперь? Дайте мне совет: должна ли я оборвать эту переписку (я уж им не писала месяца четыре) или можно мне писать единственным нашим родственникам? Что они будут переживать, не понимая причины нашего молчания, тем более, если их письма, возможно, им будут возвращаться нераспечатанными.

Вы, вероятно, получаете много подобных писем. Я понимаю, что едва ли Вы в состоянии оказать то сочувствие и добро, которое диктует Вам сердце. Но если среди многих страданий Вы почувствуете не заслуженность нашего горя, я убеждена, что с Вашей помощью правда будет на нашей стороне, и луч света снова озарит закат нашей жизни.

Р. Ландау.

Адрес: Уфа – Моторный.  
Р. Ландау»<sup>2</sup>.

*В августе 1935 — к Екатерине Павловне Пешковой обратился за помощью Густав Иванович Ландау.*

*<18 августа 1935>*

«Заявление от 18/VIII

Копия

Т<оварищ> Пешкова

Пишу Вам в течение пяти месяцев в третий раз; писал два раза Верховному Прокурору, Ленинградскому прокурору и др<угим>. Ни положительного, ни отрицательного результата нет; мне просто не отвечают.

Я в марте месяце выслан с семьей из Ленинграда с ограничением местожительства –15.

За свою трудовую жизнь я ничем не заслужил подобного акта: ни действием, ни мыслями. Происхождение мое не могло быть причиной высылки.

Тогда, в чем же дело? Прошли 5 бесконечно длительных, мучительных месяцев, и по настоящее время даже не знаю, в чем заключается моя вина, чем вызван этот акт политического недоверия.

Несмотря на полное материальное обнищание, вызванное высылкой в 5-тидневный срок, несмотря на чувство досады за ни чем необоснованное подобное действие, я сперва относительно легко перенес это оскорбление: я понимал, что в момент острой классовой борьбы почти неизбежны ошибки, и верил в непоколебимое торжество правды; я был убежден, что высылка будет кратковременной, и что вскоре мне будет возвращено полностью то заслуженное политическое доверие, каким я

<sup>2</sup> ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1333. С. 7-9. Автограф.

всегда пользовался. Мне казалось, что достаточно будет написать раз Верховному прокурору, охраняющему революционную законность, чтоб правосудие отделило не виновного от виновных.

Но дни, недели, месяцы проходили, а положенное на меня позорное пятно оставалось не смытым! К тому же выбранное мною случайно местожительство — местечко под Уфой — оказалось по климату губительным для больной жены и невозможным для продолжения учебы моей 12-ти летней, слабой легкими дочери.

Я повторил жалобы Верховному Прокурору и Вам. Чувство досады заменилось обидой. Простите мне, т<оварищ> Пешкова, эти незаслуженные по отношению к Вам упреки. Но обида перешла в чувство оскорбления и возмущения. Я глубоко советский специалист, и, хоть она и не значительная, но все же есть и моя доля участия в новостроящейся жизни, в новом укладе общества. Эту работу я проводил не пассивно, а активно, искренне увлекаясь не только формой, но и содержанием. Это сознание меня удовлетворяло, и все же на переломе жизненных сил (мне 48 лет), я никогда не чувствовал ни напряжения, ни усталости. Нарождающаяся новая жизнь внедряла в меня бодрость.

Уча других, я сам учился, и мне мерещилась бесконечная жизнь среди счастливых.

Но прошла по мне тень: я думал, что это кратковременное затмение. Оно, вопреки всем законам природы, слишком продолжительное! Оно должно прекратиться! Ошибка эта граничит с издевательством над личностью советского гражданина. Она может превратиться в убийство моей жены: этого нельзя допустить. Еще недавно "Правда" писала о достоинстве советского гражданина: я им был, я им и останусь и хочу добиться и добыюсь правды!

Но мне нужна немедленная правда, и в этом помогите мне Вы, т<оварищ> Пешкова.

Добейтесь всестороннего освещения моей жизни: она явится лучшим доказательством моей правоты. Пусть ее вывернут наизнанку: я жил не в лесу, а работал и жил с коллективом людей, близко меня знавших, и не может быть, чтоб среди них не нашлось подавляющего большинства, как партийцев, так и беспартийных, которые не подтвердили мое политическое лицо и мою практическую деятельность.

Невозможно на двух страницах описать жизнь человека; она состоит из ряда маленьких, иногда ничего не значащих для окружающих фактов, сочетаемых с рядом обстоятельств, связывающих их в одно целое. Но результатом жизни должны быть труд и созидание на благо человечества, и без излишней скромности утверждаю, что это было и есть моей целью.

Т<оварищ> Пешкова! Примите участие в деле восстановления меня полноправным советским гражданином. Это нужно не только мне; это необходимо и для советского правосудия.

18/VIII - 35.

P. S. Для возможности наведения соответствующих справок прилагаю краткое жизнеописание.

Адрес мой:

Самара-Златоуст<овская> ж<елезная> д<орога>, ст<анция> Черниковка, дер<евня> Каловка, д<ом> № 5, инж<енеру> Г. И. Ландау.

Жизнеописание инж<енера> Ландау Г. И.

Я родился в Париже в 1887 г<оду>. Мой отец – выходец из Польши, жил во Франции, служил в об<щест>ве Батиньоль в Париже в качестве инженера-мостовика. Он женился на француженке, моей матери. Ни отец, ни мать не дворянского происхождения. У них были дети: мои две сестры

и я. Наша семья жила скромно в 6-том этаже в доме 14, rue du Debarcadere. Для улучшения материальных условий жизни семьи, отец принял командировку в Петербург на постройку Троицкого моста. Таким образом, я очутился в России, 12-ти летним ребенком, зная лишь французский язык. Научившись русскому, я поступил в среднее учебное заведение и по окончании последнего я поступил в институт Инженеров путей сообщения. Отец продолжал служить в об<щест>ве Батиньоль; на государственной службе при царизме никогда не был и чинов не имел. В моем паспорте значилось: «житель города Варшавы», хотя там никогда не жил. Отец, известный мостовик, с научными трудами жил скромно, но с достатком, домовладельцем и помещиком никогда не был, торговлей не занимался. Будучи единственным сыном, я на военной службе никогда не был. В 1912 г<ода>, будучи еще в Институте, я женился и жил самостоятельно с женой и дочерью, зарабатывал на жизнь трудом, состоя техникум на постройках и конструктором по железобетону, означенное подтверждается моим трудовым списком. Зарабатывая на содержание семьи, я затянул свои учебные дела, и окончил институт в 1917 г<оду>. Поступив в 1917 г<оду> в Дорожное Управление, я с тех пор не покидал этой специальности, работая в Новгородском Губ<ернском> Дор<ожном> отделе в течение 5 лет; сперва в должности ст<аршего> инженера, а затем в должности заведующего отделом, и одновременно состоя председателем Губ<ерн-ского> Комитета Гос<ударственных> Сооружений. Пользуясь полным доверием Губ<ернского> исполкома и Губ<ернского> ком<итет>а ВКП (б), мною выполнялись ответственные поручения. В течение нескольких лет состоял членом Правления губ<ернского> отдела Союза Стр<оитель-ных> Раб<очих> по выбору. После Революции отец продолжал служить, но на государственной службе, а в 1923 г<оду> после смерти матери уехал в Польшу с сестрами в качестве .... Я же отказался уехать в чуждую мне страну. Вследствие ликвидации губ<ернского> ком<итета> го<сударст-венных> соор<ужений> и Дорожных отделов, я поступил в Лен<инград-ское> Обл<астное> Дор<ожное> Управление в 1923 г<оду> и прослужил до 1933 г<ода>, все время на ответственных должностях, будучи допущенным к совершенно секретной переписке и пользуясь полным доверием как начальства, так и партийных и профессиональных организаций, и любовью и уважением подчиненных мне лиц. Я неоднократно выбирался в проф<союзные> организации, и в течение больше 10 лет состоял председателем ЖАКТа в доме № 28 по Гагаринской ул<ице>, населенном рабочими и служащими.

С 1933 г<ода> я предался исключительно научной и педагогической деятельности, состоя на службе в Лен<инградском> Автодорожном Институте, где занимал должность доцента и декана факультета. Мое имя, как дорожника, известно далеко за пределами Ленинграда, и еще незадолго до высылки я получил приглашение в Д<альне>-В<осточный> К<рай> на ответственную должность по дорожному ведомству. Но был оставлен в Л<енингра>де, по ходатайству Института, распоряжением зам<естите-ля> нач<альника> ЦУДОТРАНСа.

В 1930-31 г<одах> после снятия всех руководителей Лен<инград-ского> Дор<ожного> Управл<ения> за вредительство, я был выдвинут на руководящую роль по предложению органов ГПУ.

Отец мой умер в Варшаве в 1929 г<оду>. Сестры, 51 г<ода> и 42 лет, незамужние, живут на заработок старшей сестры в Варшаве, дающей уроки французского языка. Младшая сестра — врач — безработная. С ними жена поддерживала редкую переписку, носящую исключительно семейный характер. Старшая дочь, 22 лет, учится в Театральном

комбинате в Москве; младшая, 12 лет, в Лен<инградской> 15-й Сов<етской> школе-десяти-летке (в 6-м классе).

Я знаю французский и немецкий языки и немного английский язык. У меня имеются печатные научные труды. Я никогда под судом не был; имею неоднократные поощрения по службе и отмеченные в трудовом списке официальные благодарности и грамоты.

Сказанное мною подтверждается официальными документами и трудовым списком и может быть доказано рядом официальных лиц, в частности по месту моей последней службы в Лен<инградском> Автодорожном Институте.

Г. Ландау.

12 августа 1935 г<ода>»<sup>3</sup>.

*В середине 1937 — Густав Иванович Ландау находился в Вязьме, работал начальником дорожного отдела на строительстве автодороги Москва-Минск Вязьминского лагеря. 8 апреля 1937 — арестован, 25 декабря приговорен к ВМН и 2 января 1938 — расстрелян<sup>4</sup>.*

---

<sup>3</sup> ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1484. С. 329-331. Автограф.

<sup>4</sup> Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.